

ГЛАВА I

ГОРОДСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: БУРГИ БЕЗ БУРЖУА

3.1. Модернизация и урбанизация

Экономическая революция советского периода заложила материальный и социальный фундамент ускоренной модернизации и в то же время подтолкнула многие другие революции, давно назревавшие в России и ждавшие своего часа. Пожалуй, важнейшая из них — урбанизация, превращение сельского общества в городское. Именно урбанизация стала, по-видимому, центральным звеном модернизации советского общества. И именно города «сделались в конце концов главным двигателем самого значительного социального — а затем, возможно, и политического преобразования в России»¹. Но в них же обнаружилась и главная слабость реформистского напора, незрелость советского городского общества.

Город и деревня противостоят друг другу прежде всего не как два типа населенных мест, но как два принципа организации социальной жизни, а переход от «сельских» общества и человека к «городским» образует один из главных векторов движения общества к новому качественному состоянию. Современный город плохо сочетается с остатками средневековья, он по сути своей враждебен всякой патриархальности и потому постоянно рождает и воспитывает все новых и новых агентов модернизации.

Эти свойства города отчасти определяются физическими особенностями современной городской среды — сложной структурой пространства, его насыщенностью материальными объектами, их разнообразием и пр. Уже в силу этих особенностей город накладывает свои, отличные от сельских, ограничения на жизнедеятельность человека, предъявляет свои требования к ней, заставляет менять сам тип организации индивидуальной и коллективной жизни. В итоге более сложным и дифференцированным становится не только физическое, но и социальное пространство, а это обесценивает прежние «простые» социальные регуляторы поведения людей. Перед каждым горожанином — в отличие от традиционного сельского жителя — открывается безграничный выбор поступков, карьер, линий поведения. В то же время жизнь в городском мире анонимна, общественные связи — опосредованы (рынком, на котором потребитель и производитель могут никогда не встретиться, средствами массовой коммуникации и т. п.). Социальный контроль сельского типа, непосредственная внешняя цензура поведения каждого здесь невозможны. Чтобы общество не вверглось в хаос,

¹ *Lewin M. La grande mutation soviétique. Paris, 1989, p. 50.*

нужны какие-то новые регулирующие механизмы, и они вырабатываются общественной практикой.

Вместе с городским социальным пространством получает небывалое развитие и внутреннее пространство личности городского человека, его самосознание, способность к рефлексии, к нравственному и эмоциональному переживанию и т. д. Как отмечал Г. Зиммель, «город приобретает совершенно новую ценность в мировой истории менталитета... Освобожденные от исторических связей, люди хотят теперь отличаться один от другого. Каждый индивид уже не „человек вообще“, и именно качественная уникальность, неповторимость характера составляют теперь основу его ценности»².

Все это и делает возможными, более того, необходимыми новые принципы социального управления поведением людей, — но никак не отказ от такого управления. Меняются механизмы. Внешний контроль все больше уступает место самоконтролю, «стыд» перед другими при нарушении общественных норм — внутренне переживаемой «вине». Все поведение людей регулируется теперь «изнутри» гораздо больше, чем «извне», и такой способ регуляции воспринимается ими как свобода по сравнению с несвободой в условиях деревенской внешней цензуры. Так получает новое звучание средневековая максима: «воздух городов делает человека свободным».

Городская свобода — это особый способ существования человека в системе социальной регуляции городской жизнедеятельности, которая порождает и делает массовым новый тип личности — человека, несравненно более универсального и более инициативного, чем прежде, потенциально способного овладеть новым, небывалым многообразием внешнего мира, включиться в принципиально иную, намного более сложную, чем в прошлом, систему общественных связей. Такому человеку становится тесно в рамках традиционных «сельских» институциональных регуляторов, и он начинает избавляться от них и не потому — или не только потому, — что они не приносят достаточных богатства или военной мощи стране, но и потому (может быть, в первую очередь потому), что человек — просто как человек, как частное лицо — вырос из старых институциональных одежек. Модернизация из заботы государственной становится заботой личной, вопросом жизни и смерти каждого.

Урбанизация, таким образом, несет с собой очень большие перемены, а потому становится одним из источников конфликта внутри общества, особенно если протекает стремительно, не оставляя времени на постепенное освоение связанных с нею социальных нововведений. Многие социальные группы не понимают и не воспринимают этих нововведений, выступают с резкой критикой городов и городской жизни. Так было, например, в Германии в конце прошлого — начале нынешнего века. Бурный рост городов (между 1870 и 1910 гг. доля городского населения выросла с 36 до 60%; население 8 крупнейших городов увеличилось в 2,7 раза³) поставил перед обществом множество вопросов, они оказались в числе главных тем интеллектуальных и политических дебатов в вильгельмовской, а затем и послевиль-

² *Simmel G. Métropoles et mentalité. // Yves Grafmeyer et Isaac Joseph, L'école de Chicago, Paris, 1984, p. 76.*

³ *Williamson D. G. Bismarck and Germany 1862–1890. London & New York, 1986, p. 103.*

гельмовской Германии⁴. Отношение к городам, особенно крупным, было весьма противоречивым. Если Зиммель пытался осмыслить город как новую историческую ценность, то для Шпенглера город — символ упадка. «Вместо являющего многообразие форм, сростшегося с землей народа — новый кочевник, паразит, обитатель большого города, чистый, оторванный от традиций, возникающий в бесформенно флюктуирующей массе человек фактов, иррелигиозный, интеллигентный, бесплодный, исполненный глубокой антипатии к крестьянству (и к его высшей форме — поместному дворянству), следовательно, чудовищный шаг к неорганическому, к концу...»⁵. Но отказ от больших городов был уже, конечно, невозможен, и немецкие сторонники «третьего пути» ищут идеологического компромисса, совмещения сельских и городских ценностей. «Для настоящих „консервативных революционеров“... если деревня — это резервуар сил, то большой город, по словам Меллера ван ден Брука, — это „лаборатория“, „поле битвы современной жизни“»⁶.

Так же было в России, а затем и в СССР. Рост городов и городского населения в СССР — несомненное проявление модернизации, обойтись без них было нельзя. Но советское общество сохраняло все время подозрительное отношение к городам, пыталось управлять их развитием с помощью «мичуринских» методов — поддерживая одни свойства и вытравливая другие. Поэтому советская урбанизация, как и многое другое, была двусмысленной, означала одновременно и шаг вперед, и шаг назад, движение и в сторону Запада, и в противоположную. На то были и исторические, и более новые, актуальные причины.

3.2. Запаздывающая урбанизация

Как и все остальное, урбанизация в старой России шла с большим запаздыванием. В XIX веке сельские западноевропейские общества быстро превращались в городские. Впереди шла Англия, и еще в 40-е годы XIX века Ф. Энгельс писал о ней как о стране, «не похожей ни на какую другую», с населением, которое «составляет совершенно другую нацию с другими нравами и другими потребностями, чем раньше»⁷. К 1920 г. города, насчитывающие 20 тыс. жителей и более, впитали уже 64% населения Англии, а 100 тыс. жителей и более — 50%⁸. Но к этому времени Англия, хотя и оставалась впереди всех, утрачивала все же свою исключительность. В Германии доля населения городов с населением 20 тыс. жителей и более достигла 40%, во Франции — 37, в Бельгии — 49, в Голландии — 45%⁹.

⁴ *Direux L.* Histoire culturelle de l'Allemagne 1919–1960 (RFA). Paris, 1989, p. 18.

⁵ *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 1. М., 1993, с. 165.

⁶ *Direux L.* Révolution conservatrice et modernité. // La Révolution Conservatrice Allemande sous la république de Weimar. Paris, 1992, p. 29.

⁷ *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд., т. 2, с. 256.

⁸ Growth of the world's urban and rural population, 1920–2000. UN, New York, 1969, p. 98, 100.

⁹ Ibid.

В России же все было по-иному. По темпам урбанизации она сильно отставала от Запада. Конечно, города развивались и здесь. Но долгое время им не удавалось приобрести достаточного рыночно-экономического значения, административно-политические и военно-оборонные функции русских городов оттесняли их торгово-промышленные функции на второй план. В результате примерно во второй половине XVIII – первой половине XIX вв., именно тогда, когда шло назревание городского взрыва на Западе, темпы урбанизации в России, напротив, замедлились, доля городов в населении страны и ее торгово-промышленном потенциале сократилась¹⁰.

Положение стало меняться лишь во второй половине XIX века, после отмены крепостного права. Деревня стала выталкивать население, в ней становилось все больше людей, готовых к тому, чтобы — по соблазну или по необходимости — при первом же удобном случае порвать с крестьянским состоянием, сменить занятие, покинуть родное село и переселиться в город.

Обстоятельства, побуждавшие крестьян покидать родные сельские места и искать счастья вдали от них, хорошо известны, многократно описаны, едва ли стоит останавливаться на них подробно. В их числе и земельная теснота, аграрное перенаселение; и остатки крепостнических отношений, общинные узы, стеснявшие гражданские, в том числе и экономические права крестьян; и общая косность сельской жизни, неэффективность традиционного сельского хозяйства. Все это осознавалось нарастающим числом деревенских людей по мере того, как они знакомились с другими жизненными и хозяйственными укладами.

У жителей перенаселенных центральных районов России была серьезная отдушина — возможность переселения на свободные или слабо заселенные «ближние» южные и восточные окраины европейской части страны — в Новороссию, Астраханскую, Оренбургскую, Самарскую и Уфимскую губернии, а равно и на Северный Кавказ, в Сибирь, на Дальний Восток, в степную часть Средней Азии. Здесь повсюду можно было продолжать крестьянствовать, заниматься земледельческим трудом. Крестьяне широко использовали эту возможность. В 1897 г. в основных районах земледельческой колонизации проживало 5 млн. уроженцев других губерний, из которых 3,8 млн. — в сельской местности (14% сельского населения этих районов)¹¹. В земледельческих переселениях участвовали миллионы людей, и это, конечно, ослабляло поток крестьян в города.

Ослабляло, но не прерывало. Земледельческие переселения привлекали, в первую очередь, крестьян, не хотевших отказываться от привычного экономического и жизненного уклада и не готовых к этому. В деревне, однако, было немало и тех, кто так или иначе вышел за пределы традиционного земледельческого труда, соприкоснулся с миром денег, разбогател или, напротив, разорился. Они знали уже и другие пути, которые нередко были или казались более доступными, более притягательными. Все или почти все они были связаны с городскими занятиями, с городскими способа-

¹⁰ Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990, с. 231–233.

¹¹ Тихонов Б. В. Переселения в России во второй половине XIX в. М., 1978, с. 47.

ми зарабатывания денег. Да и соблазны были типично городскими. Так или иначе, но во второй половине XIX в. поток крестьян в города набирал силу.

Устремленное в города движение крестьян имело две основные формы: отхожие промыслы, при которых крестьянин в той или иной степени оставался сельским жителем, не порывал с деревней окончательно, и полное переселение в город.

Отходничество — давняя традиция русской деревни, но в пореформенное время оно приобрело новое дыхание. За 40 послереформенных лет число полученных крестьянами только краткосрочных (на срок до 1 года) паспортов — они служили официальным разрешением уйти на заработки — увеличилось, в расчете на тысячу сельских жителей, в 3,5 раза. А получались, правда, существенно реже, паспорта и на более длительные сроки¹².

Надо, однако, сразу же заметить, что при всей стремительности этого роста, отхожие промыслы и в конце XIX века были хотя и заметным, но не таким уж всеохватывающим явлением, как это иногда представляется. П. Рындзюнский, например, утверждает, что «по всей Европейской России отходники составляли около 1/3 трудового народа»¹³. И треть — это все-таки меньшинство, но была ли треть? Если верить паспортной статистике, то в последнее десятилетие XIX века речь могла идти о вовлечении в отхожие промыслы лишь немногим более 10% всего сельского населения, т. е. от силы о 10 млн. человек. Но сельское население Европейской России в рабочем возрасте (от 15 до 60 лет) — а это ведь и был деревенский «трудовой народ» — насчитывало 60 млн. человек¹⁴. На долю отходников падает, стало быть, всего 16–17% — не одна треть, а всего лишь одна шестая.

Отходничество служило двойную службу. Оно, конечно, протоптывало крестьянам дорожку в города и многих из них вело к полному разрыву с деревней и окончательному превращению в горожан. Но оно же и замедляло такое превращение. Можно было как-то жить, имея городские заработки и оставаясь в то же время крестьянином и владельцем надельной земли, потому многие крестьяне — когда по своей воле, а когда и под давлением, — и не спешили делать последний шаг, удерживались от окончательного разрыва с землей. Такое промежуточное положение не могло длиться бесконечно, умножение числа отходников — полукрестьян-полугорожан — закладывало основы будущего роста городского населения. Но поначалу оно могло его и тормозить.

По данным переписи 1897 г., 47% городских жителей Российской империи (без Польши и Финляндии) и 48% городских жителей Европейской России были неместными уроженцами — в большинстве своем вчерашними обитателями бесчисленных российских сел и деревень. Какая-то часть из них и оставалась еще сельскими жителями, «отходниками», пребывающими в городах лишь временно. Однако «число лиц, зарегистрированных переписью 1897 г. временно пребывающими в городах, очень неве-

¹² Там же, с. 211–212.

¹³ Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. (Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983, с. 107.

¹⁴ Рашин А. Г. Население России за 100 лет. М., 1956, с. 267.

лико: за редкими исключениями оно не превышало нескольких процентов от числа всех неместных уроженцев»¹⁵. В Петербурге, например, их было 4,7%, в Москве — 3, в Одессе — 2,5, в Киеве — 6,1, в Екатеринославе — 2,4, в Ростове-на-Дону — 1,8, в Иваново-Вознесенске — 2,9% и т. д.¹⁶.

Число городских жителей, а значит и неместных уроженцев, осевших в городах, скорее всего, занижено переписью. В конце XIX века в России, особенно в центральных промышленных губерниях, на Урале, в Донбассе, да и в других местах было немало промышленных центров, ставших уже, по существу, городами, но не признанных таковыми юридически. Доля недавних выходцев из деревни в них, как правило, была очень высока, но это не нашло отражения в материалах переписи. Были и другие причины преуменьшения числа горожан.

Однако точные цифры не столь уж важны, необходимо представлять себе общий порядок величин. При самом осторожном отношении к переписным данным, со всеми возможными поправками, число выходцев из деревни, фактически проживавших в городских поселениях, с учетом даже и тех, которые не имели официального статуса городов, едва ли превышало 8, от силы 9 миллионов человек.

Переселение в город не означало автоматического вступления в одно из городских сословий, оно было доступно далеко не каждому крестьянину. Поэтому непрерывно росло число живущих в городах лиц крестьянского сословия. С 1858 по 1897 г. оно увеличилось в 4,6 раза. Число же лиц иных сословий в городах выросло всего на 53%¹⁷, да и этот рост шел частично за счет крестьян, приобретавших сословные права мещан или купцов. Но и с учетом этого огромного роста в 1897 г. в пределах всей Российской империи к крестьянскому сословию относились 6,5 миллионов горожан (38,8% их общего числа)¹⁸, в Европейской России — 5,2 миллиона (43,5%)¹⁹. Эти данные лишней раз свидетельствуют о том, что приведенные выше оценки числа сельских жителей, ставших к началу нашего века горожанами (8–9 миллионов), во всяком случае, не занижены.

Восемь – девять миллионов переселившихся в города крестьян — это, конечно, немало. Во второй половине XIX века движение в города значило в переселениях крестьян в России намного больше, чем их миграции, связанные с земледельческой колонизацией. Несомненно и явное усиление притока крестьян в города к концу века. И все же преувеличивать масштабы их исхода из деревни в то время, видимо, не следует. Сельское население Российской империи (без Польши и Финляндии) насчитывало в 1897 г. 102 млн. человек. Сельские жители, расставшиеся с деревней, составляли менее 10, пусть даже 10% ее сохранившегося населения. Мог ли исход этих 10 процентов, к тому же постепенный, длившийся десятилетиями, серьезно раскатыть материк крестьянской жизни?

¹⁵ Тихонов Б. В. Цит. соч., с. 59.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Рындзюнский П. Г. Цит. соч., с. 212.

¹⁸ Рашин А. Г. Цит. соч., с. 122.

¹⁹ Рындзюнский П. Г. Цит. соч., с. 212.

По мнению современников, видимо, мог. Одних это беспокоило, постоянно слышались жалобы на захирение и обезлюдение деревни, на подрыв тысячелетних устоев. Другие, напротив, приветствовали избавление от «идиотизма деревенской жизни», видели в нем залог долгожданных социальных перемен. В частности, на представления о далеко зашедшем разложении деревни опиралась вера в грядущую пролетарскую революцию.

Спор между сторонниками и противниками «устоев» не кончен и сейчас. Но если говорить о фактах, то, по сегодняшним меркам, исход крестьян из деревни в предреволюционные десятилетия выглядит не столь уж значительным. На самом кануне революции сельские жители все еще составляли подавляющее большинство населения страны. Беспокойство современников было, конечно, не напрасным. Пожалуй, уже и тогда океан крестьянской народной жизни в немалой степени был тронут гниением и распадом. И все же он не отхлынул еще от привычных берегов, многим казался неизбывным и вечным.

Если деревня хирела, то должны были тучнеть города. Так оно и было. Российская жизнь все более выходила из сел. Возникали новые города, пусть и не сразу признаваемые властями и статистикой. Развивалась промышленность, на место ярмарок приходили товарные и фондовые биржи, рос банковский капитал. Увеличивалось и связанное с новыми видами деятельности городское население.

По данным А. Рашина (табл. 3.1), примерно за пять предреволюционных десятилетий городское население России выросло более чем втрое — на 16 млн. человек.

Таблица 3.1. Городское население Российской империи (без Польши и Финляндии), 1863–1913 гг.

<i>Годы</i>	<i>Все население, млн. чел.</i>	<i>Городское население, млн. чел.</i>	<i>Доля городского населения в %</i>
1863	70,0		
1867		7,4	
1885	98,7	11,6	11,8
1897	116,2	14,7	12,7
1913	155,4	23,3²⁰	15,0

Источник: Рашин А. Г. Население России за 100 лет, с. 26, 88.

²⁰ Официальные советские публикации оценивали численность городского населения в 1913 г. в послевоенных (после 1945 г.) границах СССР в 28,5 млн. человек, а его долю — в 17,9% (См., напр.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. Сводный том. М., 1962, с. 13). Возможно, здесь сказывается преемственность по отношению к дореволюционной официальной статистике, которая, по мнению А. Рашина (с. 25) и некоторых других авторов, завышала численность населения. Если принять официальные данные, рост оказывается несколько большим. Впрочем, с учетом неполного совпадения границ, различия не слишком существенны.

Особо надо сказать о росте населения крупных городов. По мнению Б. Миронова, замедление темпов урбанизации со второй половины XVIII века отчасти компенсировалось ростом крупных городов, по доле которых в населении Россия находилась примерно на уровне европейских стран²¹. Ограничимся лишь бесспорными крупными городами, насчитывающими не менее 100 тыс. жителей. В 1811 г. таких городов в России было всего два — Петербург и Москва. К 1863 г. к ним прибавилась Одесса. Но в 1885 г. — всего через 20 с небольшим лет — в России было уже 13 городов со сотысячным населением, в 1897 — 19, в 1914 — 29²². А Петербург и Москва ко времени переписи 1897 г. стали городами-миллионерами.

Ленин считал рост городов в России «самым наглядным выражением» роста торгово-промышленного населения, придавал ему очень большое значение²³. У него, конечно, были все основания писать о быстром увеличении числа городских жителей, о «громадном росте крупных индустриальных центров»²⁴ и т. п. Но здесь, как и во многих других случаях, встает вопрос о мере этой «громадности». Если обладатель копейки находит еще одну, то его состояние увеличивается вдвое — громадный рост. Но это еще не значит, что он становится богачом.

Россия вступила в пореформенную эпоху с крайне малочисленным городским населением. За полстолетия оно выросло по меньшей мере втрое, но страна от этого не стала городской. Рост городов все еще казался многим чем-то противоестественным для России, большой город воспринимался как исключение, приличествующее разве что столице. А Белый иронизировал в романе «Петербург»: «Русская Империя наша состоит из множества городов: столичных, губернских, уездных, заштатных... Разительно от... всех отличается Петербург... Прочие русские города представляют собой деревянную кучу домишек... Если же вы продолжаете утверждать нелепейшую легенду — существование полуторамиллионного московского населения, — то придется сознаться, что столицей будет Москва, ибо только в столицах бывает полуторамиллионное население; а в городах же губернских никакого полуторамиллионного населения нет, не бывало, не будет»²⁵.

Основания для иронии, конечно, были. На протяжении всего XIX века численность и доля городских жителей России неуклонно росли, и в начале XX столетия многие россияне уже хорошо знали, что такое город, особенно крупный. Тем не менее, по мировым меркам, городская жизнь в России все еще была развита слабо. Накануне Первой мировой войны подавляющее большинство населения России, 80–85% его, было сельским.

²¹ Миронов Б. Н. Цит. соч., с. 234–235.

²² Рашин А. Г. Цит. соч., с. 99, 104–110.

²³ Ленин В. И. Развитие капитализма в России. // Полн. собр. сочинений, т. 3, с. 558.

²⁴ Там же, с. 493.

²⁵ Белый А. Петербург. М., 1978, с. 23–24.

3.3. Городской взрыв

Эа время революции и гражданской войны города обнищали и оголодали, часть горожан искала спасения у матери-деревни, так что доля городского населения даже сократилась. Если верить официальным данным, в 1920 г. она составила 15,3%, в 1922 — 16,2, и только к 1926 г. подошла к довоенному уровню — 17,9%²⁶. Близился, однако, 1929 год — «год великого перелома».

Есть несколько оценок всего, а частично и городского населения СССР в границах до 1939 г. за период между переписями 1926 и 1939 гг. Некоторые из них приведены в табл. 3.2.

Таблица 3.2. Численность всего и городского населения СССР по различным оценкам

Год	Население, млн. чел. (а)		Доля городского населения в %	Население млн. чел. (б)		Доля городского населения в %	Все население млн. чел. (в)
	Все	Городское		Все	Городское		
1926	147,0	26,3	17,9	147,0	26,3	17,9	148,5
1929	154,3	27,6	17,9	153,4	28,3	18,4	154,7
1933	165,7	40,3	24,3				162,9
1937				163,8	46,6	28,4	162,5
1938				167,1	50,0	29,9	165,5
1939				170,6	56,1	32,9	168,5
1939				190,7*	60,4*	31,7	188,8**

* В границах СССР после 17 сентября 1939 г.

** В границах СССР 1946–1991 гг.

Источники:

(а) *Социалистическое строительство СССР. Статистический ежегодник. М., 1936, с. 542;*

(б) *Население СССР. 1987, с. 8;*

(в) *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза. М., 1993, с. 118.*

В последней колонке таблицы — сравнительно недавно появившиеся новые оценки численности населения СССР в 30-е годы. Они сделаны с использованием недоступной прежде информации, в частности «репрессированной» переписи 1937 г. Правда, сохранившиеся материалы переписи 1937 г. тоже, видимо, безупречны. Согласно данным, приведенным в одной из публикаций, доля городского населения

²⁶ Население СССР. 1987: Статистический сборник. М., 1988, с. 8.

по этой переписи составила 32%²⁷. Авторы другой публикации данных переписи воздержались от уточнения численности городского населения 1937 г. «в силу существенных различий данных об этом в разных архивных таблицах. В то время не было четких критериев отнесения тех или иных населенных пунктов к городским поселениям... Не исключены волевые указания сверху, преследовавшие цель продемонстрировать успехи индустриализации»²⁸.

После такого замечания судить об истинных масштабах урбанизации в тридцатые годы еще сложнее. И все же расхождения оценок в табл. 3.2 не настолько велики, чтобы поставить под сомнение общую картину роста городов в тот период. Даже если речь идет о «вилке» в несколько миллионов человек, стремительность роста городского населения поражает воображение. Всего за четыре года — с 1929 по 1933 — его прирост составил 12–13 млн. человек. А за десять лет — с 1929 по 1939 — 27–28 млн. Пусть даже 25 миллионов, если сделать поправку на «демонстрацию успехов индустриализации». Все равно это намного больше, чем за 50 предреволюционных лет.

То же и с крупными городами. Из 29 городов-стотысячников, с которыми Россия подошла к Первой мировой войне, в 1926 г. оставалось 24 (выпали Рига, Вильнюс и Кишинев, оказавшиеся за границей, а также Томск и Витебск, число жителей в которых опустилась ниже ста тысяч). Но зато добавилось 7 городов, перешедших стотысячный рубеж: Свердловск (Екатеринбург), Новосибирск (бывший Новониколаевск), Воронеж, Тверь, Сталин (бывшая Юзовка, впоследствии Сталино, затем Донецк), Владивосток, Самарканд. Так что всего в 1926 г. в тогдашних границах насчитывался 31 город-стотысячник. А в 1939 г. их стало уже 89! Семь из них появились в связи с расширением границ СССР в 1939 г. (Рига, Львов, Вильнюс, Таллинн, Каунас, Кишинев, Черновцы), но 51 — в результате стремительного роста их населения.

И это было только началом. Однажды придя в движение, страна не успокаивалась многие десятилетия. Как будто включили огромный насос, который безостановочно перекачивал миллионы и миллионы мужчин, женщин и детей из деревни в город, превращал селян в горожан.

Кому-то повезло, и он стал городским жителем просто потому, что его село по той или иной причине было преобразовано в город или «поселок городского типа», так что не пришлось, по крайней мере, покидать родные места. Но большинству этого избежать не удалось. Деревенский океан стал стремительно мелеть. Городское же население росло, как на дрожжах. Таблица 3.3 — краткая хроника этого роста. Всего быстрее росло население крупных городов (табл. 3.4). К концу 80-х годов на долю городов, насчитывающих не менее ста тысяч жителей, приходилось около 40% всего населения и 60% всех горожан.

²⁷ Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. Институт истории СССР. М., 1991, с. 60–61.

²⁸ Итоги Всесоюзной переписи населения 1937 г. // Перепись населения 1937 г. История и материалы. Госкомстат СССР. Экспресс-информация. Серия «История статистики», вып. 3–5 (Часть II). М., 1990, с. 66.

Таблица 3.3. Рост населения России, 1940–1990 гг.

Годы	Все население, млн. чел.	Городское население, млн. чел.	Доля городского населения, %	Прирост городского населения за 10 предыдущих лет, млн. чел.
1940	194,1	63,1	32,5	
1950	178,5	69,4	38,9	6,3
1960	212,4	103,6	48,8	34,2
1970	241,7	136,0	56,3	32,4
1980	264,5	166,2	62,8	30,2
1990	288,6	190,6	66,0	24,4

Источник: Население СССР 1987, с. 8; Демографический ежегодник СССР. М., 1990, с. 7.

Таблица 3.4. Города СССР с населением свыше 100 тысяч человек и города-миллионеры

Год	Все насе- ле- ние, млн. чел.	Города с населением 100 000 жителей и более			В том числе города с населением 1 000 000 жителей и более		
		Число городов	Населе- ние, млн. чел.	Доля во всем насе- нии, в %	Число городов	Населе- ние, млн. чел.	Доля во всем насе- нии, в %
1939*	170,6	82	7,0	15,8	2	7,5	4,5
1939	190,7	89	8,4	14,9	2	7,5	4,0
1959	208,8	148	8,6	23,3	3	9,1	4,4
1970	241,7	221	5,5	31,2	9	19,1	7,9
1979	262,4	270	6,9	36,9	18	31,7	12,1
1989	288,6	296	13,6	39,4	23	41,0	14,2

* В границах СССР до 17 сентября 1939 г.

Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. Сводный том, с. 35; Население СССР 1987, с. 43; Демографический ежегодник СССР, с. 14–26.

За пять десятилетий все население СССР увеличилось на 94,5 млн. человек, а городское — на 127,5 млн., разумеется, за счет деревни, население которой сократилось на 33 млн. В 1990 г. число сельских жителей на территории, близкой к территории бывшей Российской империи, было примерно таким же, что и сто лет назад, при том, что все население выросло в 2,3 раза. Но это — в целом по стране. В пределах же ее Европейской части и Сибири, где сто лет назад было сосредоточено приблизительно 85% сельского населения, оно сократилось на 23 млн. человек. В границах современной Российской Федерации его доля во всем населении упала до 26%.

Городской взрыв в СССР породил огромные экономические проблемы. Массовая миграция в города обесценивала сельские жилища, делала ненужной значительную их часть, а взамен требовала огромного жилищного и сопряженного с ним строительства в городах. На это нужны были громадные средства, а взять их было негде. При всей бедности крестьянского населения старой России, примитивности деревенских жилищ, крыша над головой у крестьянина все-таки была. Первая мировая и гражданская войны, послереволюционная разруха привели к утрате части жилищного фонда, но затем последовал период довольно оживленного строительства жилья (табл. 3.5). В 1918–1928 гг., по меньшей мере на три четверти, оно велось в деревне. Города же были в бедственном состоянии. В 20-е годы, по мере восстановления и роста промышленности, городское население увеличивалось, но уже тогда масштабы жилищного строительства в городах не соответствовали этому увеличению.

Как отмечалось в «Контрольных цифрах народного хозяйства СССР», накануне «великого перелома» «рост жилой площади все еще отстает от роста городского населения»²⁹. Здесь же приводились некоторые примеры последствий такого отставания. «В Иваново-Вознесенске на одну душу рабочего населения, живущего в собственных домах и в домах, арендуемых у частных лиц, приходится 2,7–2,8 кв. м. Остаются тяжелыми жилищные условия на Урале, в Донбассе, в центрах южной металлопромышленности. Есть местности, где квартирами рабочих семей служат 2-х и 3-х этажные нары. В вагонах и землянках живет до 7,5 тысяч семей железнодорожников, причем число это до последнего года неуклонно возрастало». Общий вывод заключался в том, что «еще нельзя перейти к замедленным темпам роста жилищного строительства: в этой отрасли народного хозяйства восстановительный период еще не завершен»³⁰.

Но именно темпы жилищного строительства резко замедлились в знаменитых первой и второй пятилетках. Общая площадь жилых домов, построенных с 1929 по 1937 г., составила всего 61% от того, что было построено за десятилетие с 1918 по 1928 г. Потребность же, напротив, была намного большей, потому что именно с 1929 г. началось великое переселение крестьян в города, и к концу второй пятилетки их население выросло примерно на 65%. В Российской Федерации, например, между

²⁹ Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928–1929 год. М., 1929, с. 163.

³⁰ Там же, с. 164. Любопытно, что в этом выводе чувствуется полемика с самими «контрольными цифрами», помещенными здесь же. В 1926/1927 финансовом году затраты на жилищное строительство увеличились, по сравнению с предыдущим годом, на 31%, в 1927/1928 г. — на 23%, на 1928/1929 предусматривался рост всего на 13% (там же, с. 487).

1926 и 1939 гг. городское население выросло в 2,2 раза (на 19,9 млн. человек), а городской жилищный фонд — всего на 68%³¹. Прежним горожанам негде было жить, а теперь к ним приплюсовались многие миллионы новых, жилищное же строительство резко сократилось. Так возник невероятный жилищный кризис, с которым страна долго не могла справиться.

Таблица 3.5. Строительство жилых домов в СССР, в млн. кв. м общей площади

	<i>Всего</i>	<i>В городской местности</i>	<i>В сельской местности</i>	<i>Доля городской местности, в %</i>
1918-1928	203,0	51,2	151,8	25,2
1929-1932	56,9	40,2	16,7	70,7
1933-1937	67,3	44,3	23,0	65,8
1938-1941	81,6	45,2	36,4	55,4
1941-1945	102,5	54,9	47,6	53,6
1946-1950	200,9	117,1	83,8	58,3
1951-1955	240,5	178,1	62,4	74,1
1956-1960	474,1	241,7	232,4	51,0
1961-1965	490,6	291,6	199,0	59,4
1966-1970	518,5	335,5	183,0	64,7
1971-1975	544,8	377,4	167,4	69,3
1976-1980	527,3	378,7	148,6	71,8
1981-1985	552,2	384,8	167,4	69,7
1986-1990	630,4	431,9	198,5	68,5
1956-1985	3107,5	2009,7	1097,8	64,7
1956-1990	3737,9	2441,6	1296,3	65,3

Примечание: Прямыми данными о распределении строительства жилья между городом и селом до 1956 г. мы не располагаем. В публикации ЦСУ СССР выделено строительство «в колхозах (колхозами, колхозниками и сельской интеллигенцией)», которое мы условно и относим к сельскому. Когда речь идет о 20-х годах, эта рубрика, по-видимому, практически относится ко всему сельскому населению. В нее не вошли строительство домов рабочими и служащими совхозов и некоторые другие виды строительства в сельской местности, вследствие чего приведенная в таблице оценка сельского жилищного строительства до 1956 г. (цифры, набранные курсивом) несколько преуменьшена, а городского — преувеличена.

Источники: *Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг. М., 1972, с. 364; Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987, с. 508.*

³¹ Российский статистический ежегодник. 1994. М., 1994, с. 17, 99.

В послевоенный период, особенно со второй половины 50-х годов строили намного больше. Но к этому времени накопилась огромная неудовлетворенная потребность, усугубленная войной³². К концу 50-х годов, когда, наконец, развернулось массовое жилищное строительство, в городских поселениях СССР насчитывалось около 25 миллионов семей. Все или почти все они находились в крайне стесненных жилищных условиях, жили, как правило, в «коммунальных» квартирах, часто со многими соседями, в общежитиях, бараках, с очень низким, допотопным уровнем благоустройства и практически нуждались в новых квартирах. За 30 лет — с 1959 по 1989 г. число городских семей в СССР выросло вдвое и приблизилось к 50 миллионам. Таким образом, за это время надо было построить примерно 50 миллионов городских квартир, что и было сделано. По официальным данным, за 1956–1989 гг. в СССР было построено свыше 76 млн. квартир, и если считать, что соотношение городских и сельских квартир примерно соответствовало соотношению городского и сельского жилья, приведенному в табл. 3.5, то 50 млн. составили квартиры, построенные в городах и поселках городского типа. Это стало достижением, которое не следует недооценивать.

Хотя жилищная нужда никогда не была полностью изжита и в конце 80-х годов миллионы людей по всей стране по-прежнему ждали своей очереди на улучшение жилищных условий, живя в перенаселенных квартирах, бараках, «балках» и пр., качественно положение было совершенно иным, чем за тридцать лет до этого. В 1989 г. в отдельных квартирах или домах жило свыше 83% городских семей (в том числе в отдельных квартирах — около 67%). И даже если взять все семьи (городские и сельские), то 53% их общего числа — 38,6 млн. семей — жили в отдельных квартирах³³. Это означало, что в результате массового жилищного строительства 60-х – 80-х годов, впервые в истории страны отдельная квартира стала основным типом городского семейного жилища, а обитающая в такой квартире малая нуклеарная семья — основным типом городской семьи, и даже количественно преобладающим типом семьи вообще. Казалось, что, по всем показателям, советское общество восьмидесятых годов можно было с определенностью назвать городским. Но на деле все обстояло сложнее.

3.4. Урбанизация в зеркале поколений

Доля городского населения перешагнула пятидесятипроцентный рубеж в 1962 г., во времена хрущевских реформ. Городское общество не хуже и не лучше сельского, но оно иное, живет по другим правилам. Статистика, казалось бы, свидетельствует: страна вошла в городскую стадию развития, что и потребовало смены правил. В этом и был подспудный смысл реформ, может быть, и не вполне осознаваемый самими реформаторами. Если это так, то срыв реформ — историческая случайность, следствие борьбы за власть в высших ее эшелонах, тогда как общество в целом созрело для перемен.

³² По официальным оценкам, в оккупированных в 1941–1943 гг. районах было полностью или частично разрушено и сожжено 1710 городов и поселков, более 70 тысяч сел и деревень, свыше 6 млн. зданий и лишено крова около 25 млн. человек (Народное хозяйство СССР за 70 лет, с. 46).

³³ Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991, с. 185.

На самом деле, здесь нужна другая оптика, и она показывает, что нет, тогда еще не созрело.

Эту оптику предлагают таблица 3.6 и рис. 3.1 и 3.2. Они составлены по данным переписей населения 1897, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 годов и характеризуют долю городских жителей при рождении и затем на протяжении всей жизни в ряде последовательных поколений жителей Российской империи или СССР.

Таблица 3.6. Доля горожан в населении различных возрастных групп по поколениям, в %

<i>Поколения</i>	<i>При рождении</i>	<i>В возрасте</i>						
		<i>0-9</i>	<i>10-19</i>	<i>20-29</i>	<i>30-39</i>	<i>40-49</i>	<i>50-59</i>	<i>60-69</i>
1979-1988	59	60						
1969-1978	56	57	64					
1959-1968	47	48	58	67				
1949-1958	41	42	57	70	72			
1939-1948	...		47	66	70	71		
1929-1938	22	26		53	61	63	65	
1919-1928	13	14	30		53	59	61	63
1909-1918	14		15	39		52	56	58
1899-1908	12			22	36		47	51
1889-1898	9	9			22	34		42
1879-1888	9		11			21	32	
1869-1878	...			17			19	27
1859-1868	...				15			16
1849-1858	...					14		
1839-1848	...						13	
1829-1838	...							12

Даже поколения, появившиеся на свет в последние десятилетия прошлого века, по своему происхождению были по преимуществу сельскими, крестьянскими да и оставались таковыми большую часть жизни. Лишь к концу ее, после того, как период наибольшей жизненной активности был пройден, заметная часть доживших до старости людей из этих поколений оказались городскими жителями — скорее всего, приехав доживать свой век у укоренившихся в городе детей. Но во времена их молодости, после всех войн и революций второго десятилетия нашего века страна все еще

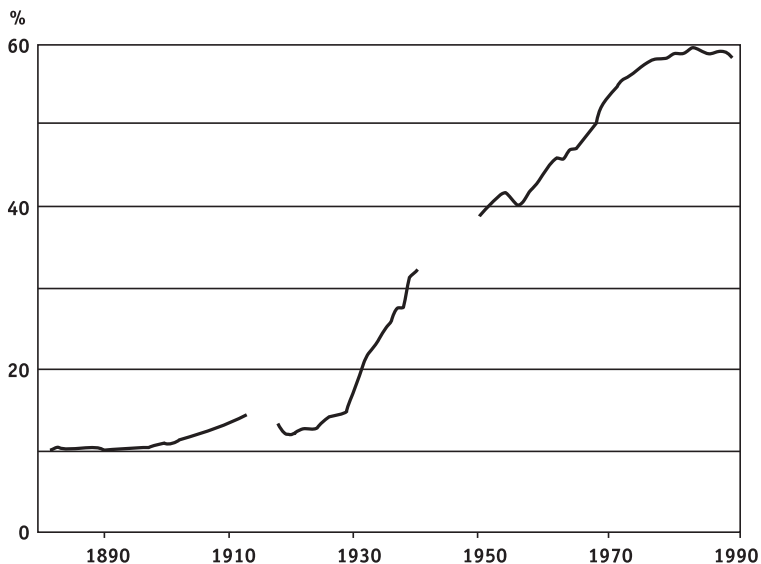

Рисунок 3.1. Доля детей, родившихся в городах в Российской империи и в СССР. Поколения 1880–1990 годов рождения

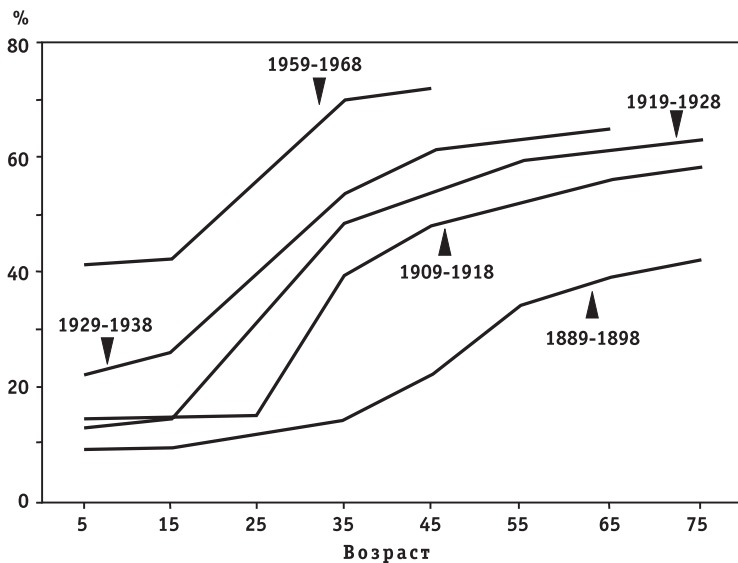

Рисунок 3.2. Доля городских жителей в разных возрастах в поколениях 1889–1898, 1909–1918, 1919–1928, 1929–1938 и 1959–1968 годов рождения. Российская империя и СССР.

оставалась крестьянской. Впрочем, теперь уже недолго. Начавшей успокаиваться и богатеть деревне двадцатых годов и в страшном сне не могла присниться та поистине головокружительная «городская карьера», которая ожидала поколения, появившиеся на свет в первые десятилетия века. Среди начавших жизнь в десятилетия двадцатых годов было не более 10–15% городских уроженцев. Но уже в детском возрасте многие из них были вовлечены в поток переселений в города, ибо на время их детства — 20-е – 30-е годы — пришелся пик миграций их родителей. А 40-е – 50-е годы были уже периодом их собственных самостоятельных переселений. В результате в свои зрелые годы пятьдесят, а то и более процентов их оказались горожанами. За первые четыре десятилетия жизни тех, кто родился в двадцатые годы, примерно половина состава поколений, точнее, той их части, которая выжила за это время, переместилась в города.

Тем и было предreshено все дальнейшее. В более молодых поколениях доля родившихся в городах быстро нарастала, у поколений сороковых годов процесс «раскрестьянивания» уже явно пошел на спад. Они изначально были более городскими: почти треть их исходной численности — горожане от рождения. А за первые сорок лет жизни в горожан превратились еще примерно 40% сельских уроженцев, то есть все же меньше, чем в поколениях двадцатых годов.

У поколений пятидесятих–шестидесятых годов доля тех, кто родился в городах, была уже настолько высока (она постепенно приближалась к половине), что последующее перемещение сельских уроженцев в города в прежних масштабах стало заведомо невозможным. И, наконец, в шестидесятые годы (впервые — в 1968 г.) число городских уроженцев превысило число родившихся в селе.

Теперь можно сравнить «поперечные» и «продольные» данные. Доля городских жителей в СССР в 1990 г. составила 66%. Но в какой мере все они были действительно «городскими»? Среди шестидесятилетних жителей страны было не более 15–17% коренных горожан. Среди 40-летних их уже примерно сорок процентов. И только среди 22-летних и более молодых — свыше половины. Но на долю этих последних приходится 37% всего населения, меньшинство. Так что, пожалуй, и к моменту распада СССР нельзя было сказать, что советское общество стало по преимуществу городским. Жители СССР все еще в большинстве были горожанами в первом поколении — наполовину или на три четверти горожане, а наполовину или на четверть крестьяне — несли на себе печать промежуточности, маргинальности. В какой-то мере эта печать наследовалась и их детьми.

И все же сдвиг колоссальный. Около 60% всех детей в бывшем СССР (а в России — все 70) рождались в городах и воспитывались в них и ими. Эта доля будет расти, в России, на Украине, в ряде других бывших республик СССР уроженцы городов скоро станут несомненным большинством народа. Исчерпывает ли, однако, этот количественный сдвиг все проблемы, связанные с завершением урбанизации и ее вкладом в модернизацию советского общества?

3.5. Урбанизация по-деревенски

В Западной Европе быстрому количественному росту городов в XIX–XX веках предшествовали столетия их качественного возвышения, оно было одной из главных осей складывания нового типа общества. По словам Броделя, уже в XV веке города на Западе навязывали себя деревням, подчиняя себе округи с помощью городских рынков. «Промышленные цены росли, цены сельскохозяйственные снижались. Таким образом города одерживали верх»³⁴. За несколько веков влияние городов преобразило западноевропейское общество, так что их количественный рост в более близкие к нам времена оказался подготовленным и лишь закрепил, — разумеется, упрочив и усилив, — их главенствующее положение. К этому времени города изменили социальный состав населения, создали особый образ жизни, вскормили третье сословие, и в конце концов породили городское общество, в принципе отличное от сельского по способу жизнедеятельности.

Ничего этого нельзя сказать о российских городах. На исходе первой трети XIX века Чаадаев писал: «в городах мы похожи на кочевников, мы хуже кочевников, пасущих стада в наших степях, ибо те более привязаны к своим пустыням, нежели мы к нашим городам»³⁵. В словах Чаадаева слышится сожаление о неразвитости городской жизни в России, однако в целом тогдашнее — да и более позднее — русское общественное мнение было, скорее, враждебно городам, многим они казались чем-то чуждым, чужеродным России. От давних наивных протестов против них иной раз отдает пародией. И. Киреевский как-то писал М. Погодину: «Мы должны желать..., чтобы правительство... не позволяло фабрикам заводиться внутри городов и особенно столиц, когда они с такою же выгодю могут стоять за несколько верст от заставы»³⁶. А Н. Федоров в конце XIX века вообще требовал отказа и от городов, и от фабрик. «Недостаточно одного ограничения прилива сельского населения в города (в эти морильни всего живого)..., необходим обязательный в видах спасения земли ежегодный набор в городах для перевода в села и на окраину с устройством кустарного производства вместо фабричного»³⁷.

Киреевский, Федоров — славянофилы, «почвенники». Но сходные мотивы доносятся и из другого лагеря. Западник Н. Огарев также произносит суровый приговор Западу, где «город поглотил все». «От этого положение Западной Европы с каждым днем безвыходней. В нашем мире борьба естественно решается в пользу сел, потому что наши города только правительственная фантазия, а в действительности они не имеют ни значения, ни силы. Торговля наша производится посредством подвижных рынков (ярмарок)... Зачем нам города? Вся наша жизнь в селах... Нет! нет! ради истины и блага России — оставьте селы быть селами!»³⁸

³⁴ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М., 1988, с. 123.

³⁵ Чаадаев П. Я. Философические письма. // Полн. собр. соч. и избранные письма. Т. 1. М., 1991, с. 324.

³⁶ Киреевский И. В. Полн. собр. соч. в двух томах. Т. 2. М., 1911, с. 249.

³⁷ Федоров Н. Ф. Выставка 1889 года. // Сочинения. М., 1982, с. 456.

³⁸ Огарев Н. П. Комиссии для составления положений о крестьянах. // Колокол, вып. II (1859), с. 417.

Заклинания противников роста городов не помогли. Урбанизация шла в дореволюционной России, она резко ускорилась с конца 20-х годов в СССР, и, если исходить из западного опыта, следовало ожидать и качественных перемен в самом обществе, в частности, ускоренного становления городских средних классов. В какой-то мере это и происходило — в силу законов конвергенции. Невозможно жить в городской и промышленной среде по сельским правилам, сохранять столь же простую социальную структуру и т. д. Конвергенция, впрочем, — вещь обоюдоострая. Если вылез из воды на сушу, расставайся с жабрами и обзаводись легкими, иначе не проживешь. Однако же кит — млекопитающее, а живет в воде и потому похож на рыбу. Не произошло ли нечто подобное и с советскими горожанами?

В результате массового перетока сельских жителей в города в двадцатые и особенно в тридцатые годы поколения 1920-х годов стали первыми в истории страны, которые, в пору их наибольшей жизненной активности (в возрасте от 20 до 50 лет), оказались по преимуществу городскими. Но это были такие городские поколения, в которых на каждого коренного горожанина в возрасте 20-50 лет приходилось 3-4 вчерашних сельских жителя. Нечто подобное наблюдалось только в предыдущей группе поколений, родившихся в 1910-е годы.

Для более ранних поколений отношение некоренные/коренные горожане не превышало два-три к одному, и чем дальше в глубь XIX века, тем оно меньше. Может показаться, что для них это соотношение было не очень важным, потому что горожане оставались в меньшинстве в своих поколениях до конца их жизни. Но, может быть, эта относительная монолитность малочисленных горожан, родившихся в последние десятилетия прошлого века, как раз и объясняет очень многое и в их судьбах, и в судьбе России.

Пик их активности пришелся на начало нынешнего столетия, и тогда они сыграли огромную роль в политической и духовной истории страны. Напомним лишь несколько всем известных имен. Некоторые принадлежат людям, родившимся еще в 60-е или в первой половине 70-х годов XIX века, а иногда и раньше. Таковы, например, Витте (1849), Плеханов (1856), Милюков (1859), Чехов (1860), Столыпин (1862), Кандинский (1866), Горький (1868), Ленин (1870), Бунин (1870), Скрябин (1871), Деникин (1872), Мартов (1873), Рахманинов (1873), Бердяев (1874), Колчак (1874). Но рядом с ними или за их спиной стоят и более молодые, их даты рождения группируются вокруг 1880 г. Врангель родился в 1878 г., Сталин, Троцкий и Савинков — в 1879 г., Керенский — в 1881, Каменев и Зиновьев — в 1883. И здесь же Малевич (1878), Блок (1880), Белый (1880), Гончарова (1881), Ларионов (1881), Стравинский (1882).

Политики, идеологи, деятели культуры, указующие путь народам, кажутся порой особыми людьми, представляющими лишь самих себя, свои личные амбиции и глубоко индивидуальные дарования. Но можно ли не видеть и того, как глубоко укоренены они в своем времени, как тесно связаны с поколениями, к которым принадлежат? И можно ли понять движение политических или общекультурных идей, деятельность вы-

дающихся лиц или изменения социальных институтов, не понимая, что происходит со сменяющимися друг друга поколениями людей?

Можно ли сегодня не задуматься, например, над тем, что идея пролетарской революции в России осияла жизненный путь, а нередко и жизненный подвиг людей, принадлежавших к поколениям, на девять десятых крестьянским? Да будь марксизм тысячу раз верным учением, в его первоизданном виде в этих поколениях он мог быть воспринят только чрезвычайно малочисленной интеллектуальной элитой, людьми, может быть, в меру своего понимания, и сострадавшими искренне этим самым девяти десятым своих собратьев, но жившими в совершенно ином, чем они, социокультурном пространстве. Стоило «революционной теории» выйти за пределы элитарных кружков и соприкоснуться с массовой крестьянской, а того хуже, люмпенской, маргинальной, уже не крестьянской и еще не городской идеологией и психологией, как она должна была неминуемо преобразоваться во что-то совершенно иное, в нечаевщину, угрюм-бурчеевщину, в новую религию, нивесть во что. В начале века Н. Бердяев писал, что марксизм в России подвергся народническому перерождению³⁹, — и это еще самое слабое, что можно сказать сегодня, когда XX век приближается к своему завершению.

Ну, а либералы, на что могли рассчитывать они? Поколение Столыпина даже во время проведения знаменитой земельной реформы на 85% состояло из сельских жителей, прежде всего из крестьян-общинников. Были ли они, а в конечном счете, и все общество готовы к отказу от коренных устоев своего существования? Можно винить кого угодно в убийстве Столыпина, но столыпинская реформа забуксовала вследствие коллективного, массового неприятия ее крестьянами. Деревенский мир защищал себя — себя в том виде, в каком он привык быть всегда. Поэтому и живущее его соками общество в целом отторгало любые «городские» новшества, будь то монетарная экономика, гражданские свободы или художественный авангард.

Но Столыпин и Милюков, Ленин и Троцкий, Татлин и Маяковский тоже ведь не с неба свалились. Города — и не как «правительственная фантазия», а как порождение новых, буржуазных, что собственно и значит в переводе «городских», отношений — все-таки росли в России. То, что они развивались медленно, что жизнь в них менялась мало, лишь распаяло нетерпение новых горожан, которые уже почувствовали вкус новой жизни — новой экономики, новой гражданственности, новой эстетики. Немногочисленные, но чрезвычайно активные, ибо были, если так можно выразиться, на острие истории, они начали битву со «старым миром» и в конце концов выиграли ее. Одержали победу, которую сейчас невозможно отличить от поражения.

Они подготовили пришествие поколений первых «массовых» горожан, родившихся в десятые–двадцатые годы. У более молодых поколений тридцатых и последующих годов рождения численное преобладание горожан в возрастах наибольшей активности все время нарастало. Но отношение коренные/некоренные горожане в этих возрастах теперь как раз непрерывно падало. Уже для поколений 1930-х годов оно вер-

³⁹ Бердяев Н. Философская истина и интеллигентская правда. // Вехи. Интеллигенция в России. М. 1991, с. 35.

нулось к величине два–три к одному, для более же поздних поколений ни при каких условиях не может достичь даже значения два к одному.

Выходит, что примерно в сороковые–пятидесятые годы XX века советские города оказались захваченными вчерашними крестьянами. Принесенная в жертву Молоху индустриализации, лишенная прав, измученная голодом, истекавшая кровью, разоренная войной, но не только ею деревня искала спасения в городах, продолжая и там служить тому же Молоху, неся на себе главную тяжесть «строительства социализма» и его защиты. Те, кто спасся, выжил и обосновался в городах, оказались на какое-то время в огромном численном превосходстве над коренными горожанами. А уж естественным следствием этого стал постепенный переход в их руки влияния и власти, которые сосредоточивались в городских центрах.

«Почитайте появляющиеся в советской печати однотипные некрологи номенклатурных чинов старшего поколения, — пишет М. Восленский в своем исследовании советской «номенклатуры», — вы увидите: подавляющее их большинство — выходцы из крестьян. Каково бывает соотношение рабочих и крестьян в номенклатуре, видно из следующего примера: в 1946 году в Минской области было 855 руководящих работников, в том числе из крестьян 709 (почти 80 процентов), а из рабочих — всего 58 человек»⁴⁰.

Сейчас мы располагаем данными о происхождении высшей партийной элиты за весь советский период. В табл. 3.7 приведены данные о пополнении состава руководящих партийных органов — Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС с октября 1917 по 1989 г. включительно городскими и сельскими уроженцами. Самой высокой была доля городских уроженцев в первых составах партийного руководства времен революции и гражданской войны — как раз тогда, когда доля горожан в населении была самой низкой. Позднее, по мере того как доля городского населения росла, партийная элита все больше пополнялась за счет выходцев из деревни — в некоторые периоды больше, чем наполовину. Обращает на себя внимание также убывающая роль уроженцев крупных городов, особенно столиц, в то время как выходцы из малых городов и поселков, которые и в России, и в СССР часто не слишком отличались от деревни, появляются в партийном руководстве все чаще и чаще. За четыре десятилетия с 1950 по 1989 г. здесь появилось всего два уроженца Москвы и ни одного — Петербурга-Ленинграда, «колыбели революции». Из ста человек, пришедших за это время на высшие партийные посты, 47 родились в деревне и 17 — в рабочих поселках. Уроженцев же крупных городов, включая Москву, было всего 22, причем 9 из них пришли уже в горбачевское время — с 1985 по 1989 гг.

Налицо резкое расширение участия выходцев из деревни или полудеревни в партийном, а значит, и государственном руководстве по мере естественного расширения лидерства поколений десятых–двадцатых годов. В этом смысле хрущевское и послехрущевское время было, как никогда, сельским, у власти великой державы — и на уровне высшего руководства, и на всех иных уровнях, во всех областях жизни стояли деклассированные маргиналы, «выдвиженцы» из крестьян.

⁴⁰ Восленский М. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М., 1991, с. 140–141.

Таблица 3.7. Городское и сельское происхождение партийной элиты РКП(б), ВКП(б), КПСС, 1917–1989 гг.

	<i>Год первого прихода на высший пост</i>										
	1917- 1919	1920- 1929	1930- 1939	1940- 1949	1950- 1959	1960- 1969	1970- 1979	1980- 1989	1917- 1989	1917- 1929	1930- 1989
Всего, человек	18	46	15	14	34	23	11	32	193	64	129
из них:											
городские уроженцы	14	27	9	6	18	12	4	19	109	41	6
в том числе:											
— Москвы и Петербурга	4	5	4	3	1	-	-	1	18	9	9
— других крупных городов*	6	12	3	1	1	5	2	12	42	18	24
— прочих городов	3	5	2	2	6	3	2	3	26	8	18
— поселков	1	4	-	-	10	4	-	3	22	5	17
сельские уроженцы	4	20	6	8	16	11	7	13	85	24	61
Всего, %	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
из них:											
городские уроженцы	77,8	58,7	60,0	42,9	52,9	52,2	36,4	59,4	56,5	64,1	52,7
в том числе:											
— Москвы и Петербурга	22,2	10,9	26,7	21,4	2,9	-	-	3,1	9,3	14,1	7,0
— других крупных городов*	33,3	26,1	20,0	7,1	2,9	21,7	18,2	37,5	21,8	28,1	18,6
— прочих городов	16,7	10,9	13,3	14,3	17,6	13,0	18,2	9,4	13,5	12,5	14,0
— поселков	5,6	8,7	-	-	29,4	17,4	-	9,4	11,4	7,8	13,2
сельские уроженцы	22,2	43,5	40,0	57,1	47,1	47,8	63,6	40,6	44,9	37,5	47,3

* к их числу отнесены дореволюционные губернские города, а также республиканские и областные центры советского времени

Источник: Рассчитано по: Чернев А. Д. 229 кремлевских вождей. М., 1996.

Изменения в составе высшей партийной элиты — лишь частный случай перемен, происходивших повсеместно. Страна урбанизировалась, но сами города «рурализовались», одеревенщивались, в этом заключалась одна из характерных черт дивергентного с Западом, городского развития. Может быть, главным проявлением «одеревенщивания» городов и главным тормозом углубления урбанизации была система экономических отношений, утвердившихся в стране и тоже наложивших «деревенский» отпечаток на жизнедеятельность городов и городскую среду — тем более, что эти отношения были хорошо понятны хлынувшим в города вчерашним крестьянам.

Современный город — стихия рыночных, денежных отношений, арена их триумфа, и именно в этом — главная сила его влияния на человека. Рынок, деньги, существовавшие испокон веков, на «городском» этапе истории становятся мощнейшим регулятором всей социальной жизни. Без универсальности денег немыслим и универсальный «городской» человек. А «противоречие между количественной границей и качественной безграничностью денег», о котором писал Маркс⁴¹, служит как бы зеркальным отражением противоречия существования индивидуального человека в мире универсальных возможностей, стало быть, в мире постоянного выбора. Выражая ту же мысль, Зиммель подчеркивал, что «во все времена большие города были зоной монетарной экономики», и связывал с этой их особенностью тип личности горожанина — рационального человека. «Чисто рациональный человек безразличен ко всему индивидуальному, потому что индивидуальные отношения, с точки зрения логического разума, неисчислимы. Подобным образом монетарный принцип не принимает во внимание индивидуального характера явлений»⁴².

Бурная урбанизация советского периода сопровождалась чем угодно, только не триумфом рыночных отношений. Подобно промышленности и сельскому хозяйству, а, может быть, еще и в большей степени, города были исключены из сферы рыночного регулирования. Считалось, что вопросы о том, где и какие строить заводы, решались центральными планирующими органами «на научной основе». Но на деле, в отсутствие рыночного ценообразования, позволяющего судить о спросе, предложении, издержках и т. п., эти органы просто не имели объективных критериев для принятия подобных решений. Зато свобода субъективных оценок, политического давления, коррупции в этих случаях была очень велика. В распределении капиталовложений в городскую промышленность и городское хозяйство царили случайность и произвол.

Экономика мстила за неуважение своих законов. Всевластие планового начала было фикцией, оборачивалось хаосом и бесконтрольностью. В 1931 г. Пленум ЦК ВКП(б) — тогда полный хозяин страны — принял решение «О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства в СССР», где, в частности, говорилось: «Пленум ЦК считает нецелесообразным нагромождение большого числа предприятий в ныне сложившихся крупных городских центрах и предлагает в дальнейшем не строить в этих городах новых промышленных предприятий, в первую очередь не строить их в Москве и Ленинграде, начиная с 1932 г.»⁴³. С тех пор было принято бесчисленное

⁴¹ Маркс К. Капитал. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 144.

⁴² Simmel G. Op. cit., p. 63.

⁴³ О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства в СССР. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1970. Изд. 8-е, т. 4, с. 554.

множество подобных решений, постоянно расширявших круг городов, в которых следовало ограничивать промышленное строительство (например, в 1956 г. было принято постановление правительства о запрещении промышленного строительства в 48 крупных городах и о его ограничении еще в 23), и пролиты океаны публицистических и «научных» слез по поводу того, что эти решения никогда не выполнялись. Они и не могли выполняться, потому что по своей идеологии и методологии мало отличались от цитированной выше рекомендации И. Киреевского «не позволять фабрикам заводиться внутри городов и особенно столиц».

Такое же выхолащивание рыночных механизмов произошло и в повседневной жизни горожан. Как-то П. Столыпин привел в одном из своих выступлений в Государственной думе слова Достоевского (из «Записок из мертвого дома»): «деньги — это чеканенная свобода»⁴⁴. Подавление монетарной экономики, почти полное исключение из сферы ее влияния городского развития, замена «игр обмена» «играми распределения» — все это обернулось огромной несвободой и для горожан, и для негорожан.

Ярким проявлением этой несвободы стала прописка и связанные с нею ограничения. Они появились в 1932 г. на самой заре советской урбанизации одновременно с введением паспортов. Впрочем, для России это не была такая уж новая мера. Даже после отмены крепостного права крестьянин не мог уйти в город — хотя бы временно, на заработки, — не получив паспортного документа, что требовало согласия сельского общества и хозяина крестьянского двора, причем такой документ выдавался на ограниченный срок и мог быть не продлен или даже отобран до истечения срока. Еще сложнее было окончательно выйти из сельского общества и вступить в одно из городских сословий. Существовавшие здесь правила основывались «на непризнании за крестьянами свободы передвижения, закрепляли их зависимость от «мира», сельской и волостной администрации, иногда также от губернского по крестьянским делам присутствия, утверждали связанность крестьянина как члена семейства. На деле официальные правила отягощались постоянными вымогательствами и незаконными поборами»⁴⁵.

В конце XIX века все это рассматривалось как пережитки крепостного права, вызывало постоянные протесты со стороны самых разных политических сил. В начале 30-х годов XX века забытый, казалось бы, опыт царской администрации снова оказался полезным. Проживание в городе предполагало наличие паспорта со штампом о прописке. Прописка же во все большем числе городов становилась ограниченной, так что не только крестьянин не мог туда вселиться (у крестьян долгое время вообще не было паспортов), но и житель одного города не мог свободно переехать в другой. В лучшем случае, он мог сделать это с помощью обмена квартиры, лишней раз демонстрируя возможности натуральнохозяйственных отношений в XX веке.

Прописка была не просто полицейской мерой, как иногда думают, а хитрой частью механики прямого распределения, претендовавшего на то, чтобы вытеснить из социальной практики опосредующие рыночные механизмы. Она была чем-то вроде со-

⁴⁴ Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия... Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете 1906–1911. М., 1991, с. 105.

⁴⁵ Рындзюнский П. Г. Цит. соч., с. 209.

словной привилегии горожанина, ибо давала право требовать получения бесплатной квартиры, пользоваться разного рода городскими благами — неодинаковыми в разных городах — и т. п. Вообще, прописка служит хорошей иллюстрацией ублюдочных, как сказал бы Маркс, форм, сочетающих в себе новейшие достижения урбанизации (миллионные города-индустриальные центры) со средневековой архаикой (прямое распределение в натуральной форме, отсутствие свободы передвижения и пр.).

В СССР практически не существовало продажи недвижимости, в городах исчез рынок жилья — оно распределялось, «выдавалось», «получалось». При этом очень гордились бесплатностью квартир, низкой стоимостью коммунальных услуг, как будто за них и в самом деле никто не платил. Платили, конечно, все «трудящиеся» (в том числе и крестьяне, которым бесплатного государственного жилья не полагалось) через систему явных и неявных удержаний из заработанного ими, и здесь не было никаких исключений. А вот какое жилье получал человек и получал ли он его вообще, — это зависело от массы случайностей или волевых, субъективных решений, которые абсолютно не поддавались контролю со стороны гражданина.

Теоретически можно было ожидать, что, несмотря ни на что, оказавшись в мощном поле влияния городской среды, новоиспеченные горожане все же начнут быстро меняться, усваивать городские ценности, нормы поведения, эстетические критерии и т. п. Вселяясь в новую квартиру, каждая семья решала свои насущные жизненные задачи, которые могли казаться чисто материальными, инструментальными. Но из миллионов таких вселений складывался основополагающий сдвиг в облике общества, оно еще раз — и теперь уже окончательно — порывало со своим деревенским прошлым, усваивало новый образ жизни, новую систему внутри- и межсемейных отношений, новый круг потребностей, новую эстетику, вообще становилось совсем другим.

На практике все было не столь однозначно. Перемены в материальных условиях жизни были налицо. Благодаря крупномасштабному жилищному строительству 60-х – 80-х годов не только появлялись, но и удовлетворялись массовые «желания и потребности, которые ранее могли себе позволить лишь немногие». Здесь уместен «банальный пример», с помощью которого Ортега-и-Гассет пояснял свою мысль о демократизации, выравнивании условий жизни европейского населения. «Comtesse де Буань в своих „Мемуарах“ сообщает, что в 1820 году во всем Париже едва насчитывалось десять ванных комнат. А сейчас массы знакомы в достаточной степени с такой техникой, которой раньше пользовались лишь специалисты»⁴⁶. В советских городах в послевоенный период десятки миллионов людей вселялись в квартиры, обладающие стандартным набором основных современных удобств (холодная и горячая вода, канализация, центральное отопление, газовая или электрическая плита) и тем самым приобщались к материальным условиям жизни, почти совершенно неизвестным поколению их родителей. Постепенно они осваивали свое новое жилое пространство, вырабатывали свое представление о его внутренней организации, убранстве и пр. Однако при этом они уже выходили за рамки официальных инструментальных ценностей советского общества и наталкивались на сопротивление системы.

⁴⁶ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. // Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие работы. М., 1991, с. 51.

Советские газеты без конца воспевали наличники старой крестьянской избы и в то же время клеймили как презренный «вещизм» массовый интерес (часто, конечно, примитивный, но иначе и не могло быть) к предметной среде нового городского жилища. И это не было случайностью. Для советского общества урбанизация была побочным продуктом индустриализации. Если оно и решало городские проблемы, то только как утилитарные, инструментальные: «трудовым ресурсам», «рабочей силе» надо было где-то жить, значит, надо было строить города, возводить жилые дома, создавать необходимую техническую и социальную инфраструктуру. Город был местом удовлетворения излюбленных Госпланом «рациональных потребностей», но не более того. Собственно же жилая или городская среда, складывающаяся под влиянием не только необходимости, но и случайности, фантазии, прихоти и сама создающая потребности, еще не известные Госплану, не осознавалась как самостоятельная ценность. Соответственно и затраты на ее развитие — и материальные, и интеллектуальные — были ничтожными. Все, что касалось развития и благоустройства городов, делалось — в полном соответствии с приоритетами милитаризованной советской экономики — в минимальных, функционально необходимых пределах, самым дешевым способом.

Экономия сказывалась во всем. Вся страна — от Львова и Калининграда (Кенигсберга) до Душанбе и Владивостока застраивалась стандартными, похожими как близнецы, жилыми домами из дешевых панелей или силикатного кирпича (при очень низком качестве строительства). Печать той же стандартности и посредственности лежала и на общественных зданиях, на всей материальной среде городов — их планировке, архитектуре, способах освоения пространства и пр. Делая минимум необходимого, государство стремилось переложить как можно большую часть расходов и тягот городской жизни на плечи самого населения. В этом заключалось, в частности, объяснение «слободизации» страны, «массированного наплывания окраинной слободы на... городские центры»⁴⁷.

Городское или связанное с городом жилищное строительство оплачивалось из двух главных источников. Одним из них были государственные и кооперативные предприятия и, в меньшей степени, жилищные кооперативы, другим — средства индивидуальных застройщиков и получаемый ими государственный кредит. В первом

⁴⁷ Глазычев В. Слободизация страны Гардарики. //Иное. Т. 1. М., 1995, с. 86. Эта слободизация не имела ничего общего с западной субурбанизацией, движущей силой которой был собственный автомобиль. Жители советской «субурбии» в массе своей не могли и помышлять об автомобиле, это были парии советских городов. Позволю себе процитировать свою давнюю статью на эту тему. Речь идет о «многочисленных одноэтажных поселках, окружающих наши большие города и очень тесно связанных с ними трудовыми связями». «Смысл создания и развития этих поселков был в их небольшой стоимости; государство почти не несло расходов в связи с их строительством и благоустройством, размещение же подобной застройки в пределах городов хотя и имело место, но противоречило интенсивному характеру освоения городских земель. Низкий уровень благоустройства этих поселков, их значительная удаленность от места работы и другие неудобства лишь частично компенсируются хорошими природными условиями, наличием приусадебных участков и т.п., в целом же жизнь в поселках связана со многими неудобствами, которых не знает житель города». (Вишневский А. Экономические проблемы развития форм городского расселения. //Проблемы современной урбанизации. М., 1972, с. 65). Одним из главных неудобств были ежедневные поездки на работу в города («трудо-

случае велось, как правило, строительство многоэтажных домов с соответствующей инфраструктурой, в результате складывалась и развивалась более или менее интенсивно освоенная городская среда. Во втором же случае была возможна только экстенсивная усадебная застройка одноэтажными домами, мало отличавшаяся, а то и вовсе не отличавшаяся от сельской. Такая застройка велась рабочими и служащими (в их число не входят колхозники и сельская интеллигенция) в городах (в больших городах — в основном на окраинах), в поселках городского типа, а также в пригородных деревнях⁴⁸. Ее доля в некоторые периоды была очень высока: в 1938–1941 гг. — 24% всей общей площади построенных в стране жилых домов, в 1941–1945 — 25%, в 1946–1950 — 38%, в 1951–1955 — 37%, в 1956–1960 — 25%, в 1961–1965 — 17%. В последующем эта доля установилась примерно на уровне 8–10%⁴⁹. В результате относительно современные городские ядра обрастали бесконечными полугородскими-полусельскими окраинами и пригородами, а они, в свою очередь, по-своему влияли на формирование городской среды, которая и без того развивалась в значительной степени под воздействием менталитета и эстетики новых горожан — вчерашних крестьян, часто враждебных самому городскому духу.

«Сельскость» этой среды бросалась в глаза и прежде. По впечатлениям иностранцев, относящимся к достаточно отдаленному прошлому, в отличие от европейских государств, где горожане стремились к более плотной застройке, к созданию особого мира, отличного от сельского, заполненного людьми и творениями их рук, в России города расплзались по земле, «оставляя между жилыми домами и общественными зданиями обширные пространства, которые население не может ни заполнить, ни оживить. Поэтому для иностранца, приезжающего из Европы, большинство городов... — это что-то незаполненное, пустынное, незавершенное; часто они напоминают свои собственные пригороды»⁵⁰. Эти давние наблюдения не утратили смысла и после советской «городской революции», полноценной городской среды и городской инфраструктуры нельзя было найти почти ни в одном советском городе. Даже Москва и Ленинград все больше теряли свой столичный класс, старые исторические центры городов ветшали, а частично и разрушались, но это не считалось потерей. «Во многих случаях рабочие кварталы выглядят у нас лучше, чем центры города», — с гордостью говорил Сталин⁵¹. Между тем городская среда не только создается горожанами, но и создает их. Экстенсивная, однообразная, невыразительная даже в центрах городов застройка, вымирающие к вечеру улицы — не лучшее место для воспи-

вая маятниковая миграция»), занимавшие часто несколько часов. Маятниковая миграция была одним из способов дешевого привлечения рабочей силы для нужд ненасытной промышленности, позднее к маятниковым мигрантам добавились миллионы бесправных городских «лимитчиков» — чаще всего, выходцев из деревни, работавших в городах, но не имевших постоянной прописки в них, что обходилось государству еще дешевле.

⁴⁸ Например, из 94 млн. кв. м жилья, построенного рабочими и служащими в 1961–1965 гг., 43,2 млн. (45%) находилось в сельской местности, в основном, разумеется, пригородной. (Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг., М., 1972, с. 365).

⁴⁹ Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг., с. 364; Народное хозяйство СССР за 70 лет, с. 508.

⁵⁰ *Leroy-Beaulieu A. L'empire des tsars et les Russes. Paris, 1990, p. 225.*

⁵¹ *Сталин И. В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. // Соч., т. 13, с. 335.*

тания активных и многомерных характеров, для организации разностороннего человеческого общения.

И еще одна черта указывала на неполноценный, «деревенский» характер советской урбанизации. Границы между городом и «сельской местностью» — не только физические. Европейский город изначально был носителем определенных прав своих жителей — городское право противопоставлялось деревенскому бесправию, город пользовался политической, правовой, экономической автономией по отношению к окружавшему его негороду. Такая автономия — сущностная особенность, выделяющая город как особый целостный сгусток социального пространства. В советское время никакой городской автономии не существовало. До 1936 г. не было даже городских советов — «только губернские, т. е. и этим город был как бы сплюснен и размазан по обширной территории»⁵². Появление городских советов тоже мало что изменило, потому что города оставались в «областном подчинении», к тому же и не в советах принимались главные решения — они полностью зависели от областного комитета партии. В. Глазычев точно указывает на типичное для инструментальной модернизации противоречие, которое — в очередной раз — заводило в тупик саму эту модернизацию: «с одной стороны, полагалось всемерно растить объем индустриально-городского населения, а с другой — всякая автономность города как социального института отрицалась *per se*, ничто уже не могло препятствовать торжеству слободизации страны»⁵³.

3.6. Новые городские слои

Но, может быть, самое важное следствие особого пути советской урбанизации и главный показатель незавершенности городской революции — отсутствие «средних» городских слоев. Еще Петра I, а затем Екатерину II занимала мысль «о создании среднего рода людей в смысле западноевропейской буржуазии»⁵⁴. «Екатерина много хлопотала о так называемом третьем сословии; это третье сословие, т. е. городское промышленно-ремесленное, тогда, как известно, было модным словом в Западной Европе...; на третьем сословии покоились все надежды тогдашних либералов»⁵⁵. Ключевский приводит выдержку из письма Екатерины ее французской корреспондентке мадам Жоффрен, убеждавшей императрицу в необходимости третьего сословия: «Обещаю вам, м-м, еще раз позаботиться об этом: но и как же будет мне трудно устроить это третье сословие в России»⁵⁶.

Императрица знала, что говорила. Мысль о создании сильного третьего сословия принадлежала к числу тех «предположений или мечтаний» Екатерины, которые, по словам Ключевского, «были упразднены самой жизнью как излишние»⁵⁷. «Мы не мо-

⁵² Глазычев В. Цит. соч., с. 77.

⁵³ Там же, с. 87.

⁵⁴ Ключевский В. Курс русской истории. Ч. V. М., 1989, с. 283.

⁵⁵ Ключевский В. Курс русской истории. Ч. V. М., 1937, с. 162. В издании 1989 г. (Ч. V, с. 142–143) это место, как и приводимая далее цитата из письма Екатерины (примечание 56), даны в несколько иной редакции.

⁵⁶ Там же, с. 163.

жем определить, — писал он, — насколько успехи, сделанные городским классом при Екатерине, произошли от ее забот, насколько ими была обязана Россия естественному ходу дел, однако эти успехи становятся заметны, только они не оправдывают наших ожиданий... Городской класс составлял 1/25 всего податного населения империи»⁵⁸.

С неоправдавшимися ожиданиями насчет третьего сословия России пришлось сталкиваться еще не раз. В свое время французский историк А. Леруа-Болье высказывал надежды (которые тогда многие питали и в России и вне ее), что реформы Александра II и общее буржуазное развитие страны изменят положение, приведут, наконец, к появлению сильного «среднего класса, крупной, а возможно еще больше мелкой буржуазии, служащей посредником между идеями верхов и нуждами низов. Только это может положить конец социальному дуализму, моральному расколу, который со времен Петра Великого составляет одну из бед России, препятствует упразднению привилегий и прогрессу равенства. Только тогда эта нация, разделенная внутри себя и еще сегодня расколотая на две части, бессильные порознь, сможет явить Европе меру своего гения»⁵⁹.

Но рядом с надеждами шли и опасения по поводу того, что третье сословие может не прижиться в России. «Боже нас упаси от исполнения такого пожелания!» — воскликнул многие русские. Аристократы или демократы, они склонны очень плохо воспринимать это заимствованное у нас безобидное слово „буржуазия“, которым злоупотребляют самым странным, на западный взгляд, образом... Они испытывают страшное презрение к нашему „буржуазному“ обществу и нашей „буржуазной“ цивилизации, к нашим „буржуазным“ свободам и строю. Они искренне гордятся тем, что у них нет ничего подобного и не хотят походить на нас в этом смысле. В своем стремлении к единству и социальной однородности, в своей постоянной антипатии к классовым различиям, они смотрят на буржуазию как на что-то вроде новой касты или враждебной народу олигархии, не осознавая, что сближение классов, о котором они мечтают, обязательно приводит к появлению буржуазии, свободной от всех кастовых предрассудков, единственной, кто способен реализовать моральное единство нации, столь дорогое их сердцу»⁶⁰. Наблюдения иностранца не расходились с «внутренними» оценками. «Слова „буржуа“, „буржуазный“ в России носили порицательный характер, в то время как на Западе эти слова означали почтенное общественное положение...» — писал Бердяев⁶¹.

Долгие десятилетия в неразвитости городов, в отсутствии в России буржуазии многие видели признак ее самобытности, залог того, что страна пойдет по иному, чем Запад, пути. Когда П. Струве в «Вехах» высказал убеждение в том, что в ходе эконо-

⁵⁷ Ключевский В. Курс русской истории. Ч. V. М., 1989, с. 283.

⁵⁸ Ключевский В. Курс русской истории. Ч. V. М., 1937, с. 162–163. В издании 1989 г.: «на 161½ млн. душ податного населения насчитано было немного более 700 тыс. ревизских душ городских состояний, т.е. менее 5%» (с. 143).

⁵⁹ Leroy-Beaulieu A. Op. cit., p. 243.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Бердяев Н. Русская идея (Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века). Париж, 1946, с. 198–199.

мического развития русская интеллигенция «обуржуазится» и «втянется в существующий общественный уклад, распределившись по разным классам общества»⁶², это немедленно вызвало возражения. «Должно ли развитие капитализма привести к тому, что и русский интеллигент «обуржуазится», проникнется мещанским духом..?» — спрашивал М. Туган-Барановский⁶³, напоминая слова Герцена о том, что мещанство — окончательная форма западной цивилизации. «Мещанство» — главный враг, его отсутствие в России — предмет необъяснимой гордости едва ли не всех течений общественной мысли. Самые просвещенные русские философы и экономисты не желали видеть, что «мещанства» западного типа в России не вообще нет, а *еще* нет. Они были убеждены, что русское немещанство — не следствие слабой развитости городов, городского образа жизни и городских традиций в сельском обществе, а чуть ли не вечная метафизическая черта русского народа, причем черта положительная, способная оправдать немалые дикости отечественной жизни. «Русский народ в глубоких явлениях своего духа — наименее мещанский из народов, наименее детерминированный, наименее прикованный к ограниченным формам быта, наименее дорожащий установленными формами жизни», — утверждал Бердяев, видя в этом самостоятельное достоинство. «У русских отсутствуют буржуазные добродетели..., столь ценимые Западной Европой. Буржуазные же пороки у русских есть, именно пороки, которые такими и осознаются... Самый быт русский... бывал безобразен в такой степени, в какой этого не знали народы западной цивилизации. Но этот буржуазный быт не почитался святыней»⁶⁴.

Признавая, что в Западной Европе мелкая буржуазия веками играла «промежуточную роль между высшими классами и народными массами и соединяла все слои населения в одно целое национальной культуры»⁶⁵, Туган-Барановский подчеркивал, что там она «была всецело созданием городского цехового строя, которого Россия, даже в каких-либо зачатках, совершенно не знала»⁶⁶. Купцы и промышленники, конечно, были в России, но по своему происхождению, положению в обществе и государстве, влиятельности, самостоятельности они были далеки от западноевропейских буржуа. Ричард Пайпс имел все основания назвать посвященную им главу своей книги «Буржуазия, которой не было»⁶⁷. Но значило ли это, что ее и не будет?

Спору нет, фермер или лавочник — далеко не всегда аристократы духа. В разных странах они не раз ощущали себя «массами», собирались в фанатичные толпы, становились участниками факельных шествий и погромов, случалось, и опорой тоталитарных режимов. Нет никакой необходимости приукрашивать мелкого буржуа, часто и впрямь малосимпатичного. Но можно ли избежать «мещанства» только потому, что непривлекательны, ограничены, корыстны, вульгарны многие «мещане»? И неужто так уж привлекательны были все русские дворяне? В рассуждениях о мещанстве истори-

⁶² Струве П. Б. Интеллигенция и революция. // Вехи..., с. 150.

⁶³ Туган-Барановский М. И. Интеллигенция и социализм. // Вехи..., с. 429.

⁶⁴ Бердяев Н. Русская идея..., с. 198–199.

⁶⁵ Туган-Барановский М. И. Цит. соч., с. 420.

⁶⁶ Там же, с. 421.

⁶⁷ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993, с. 252.

ка или социолога речь вообще должна идти не об отдельных людях, а о социальном слое, который, достигнув определенной зрелости, по соображениям собственной выгоды, начинает играть стабилизирующую роль в обществах современного типа. История его становления — это история «среднего класса», который всего лишь «стоял за свои деловые интересы, а поскольку интересы эти требовали законопроявления и защиты прав личности, он боролся за общественное устройство, соответствующее идеалам, которые впоследствии стали называть либеральными. Коли дело обстояло так, есть смысл полагать, что между ставшей притчей во языцах неразвитостью законности и свободы личности в России и бессилием или апатией ее среднего класса существует отнюдь не поверхностная взаимосвязь»⁶⁸.

Советский вариант модернизации предложил свою альтернативу становления современного общества — без среднего класса. Однородная масса крестьян превратилась в не менее однородную массу государственных рабочих и служащих. Насколько убедительной оказалась эта альтернатива? Внутреннее разнообразие общества, а значит, и его устойчивость оказались очень ограниченными. Оно способно было существовать только в условиях либо чрезвычайной мобилизации, либо застоя, либо нестабильности. Весь советский опыт да и первые годы опыта постсоветского как раз и убеждают, что при сохранении слабой расчлененности общества, отсутствии в нем внутренних социальных противовесов, устойчивой мещанской середины, средних слоев, предпочитающих осмотрительно держаться подальше от краев социального и политического спектра, сочетание стабильности и демократии в стране невозможно.

Городское население и старой России, и СССР всегда было слабо дифференцировано — и в имущественном, и в социально-профессиональном отношении. Еще более ста лет назад Леруа-Болье обращал внимание на чрезвычайную бедность российской городской социальной сцены. На ней выступали уже купцы и промышленники, но почти отсутствовали представители либеральных профессий: юристы, врачи, писатели, профессора, инженеры, нотариусы... «Россия никогда не знала этой аристократии мантии, которая по своему положению и духу занимала столь видное место в нашей старой Франции... В этом отношении Россия первой половины XIX века была еще позади Франции XVI века»⁶⁹.

СССР и к концу 80-х годов XX века не вполне догнал Францию тех далеких времен. Конечно, где-нибудь в миллионном Харькове, Нижнем Новгороде или Екатеринбурге можно было найти тысячи инженеров самых разных специальностей. Но отличие физика от химика в социальном плане не принципиально. А с «аристократией мантии» как было плохо, так и осталось. Статус адвоката, судьи, юрисконсульта, нотариуса был крайне низким, их роль — ничтожной, а от таких слов, как «биржевик», «банкир» или «торговец недвижимостью», веяло экзотикой чужой, неведомой и к тому же басурманской земли. Между тем, с их деятельностью связано нечто большее, чем технология обработки металла или создания ядерного реактора. Они — специалисты в области технологии жизни в сложном обществе. Эта технология, конечно, везде несовер-

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ *Leroy-Beaulieu A. Op. cit., p. 225, 240.*

шенна, но все же в ней есть свои ноу-хау, порожденные столетиями развития современной городской цивилизации.

Разумеется, индустриализация и урбанизация делали свое дело, внутреннее разнообразие социальной системы увеличивалось, формирование городских средних слоев продвинулось довольно далеко и в советском обществе. Но что представляют собой новые городские слои с социальной и социокультурной точек зрения?

Если говорить о городском населении вообще, то прежде всего бросается в глаза его социокультурная маргинальность.

Переселение крестьянина в город — классический пример маргинализации человека, источник множества синдромов социальной дезадаптации. В СССР, как и везде, вчерашний крестьянин не становился автоматически «городским» индивидуализированным человеком. Поначалу это было лишь формальное превращение, что служило причиной огромных, хотя и не всегда осознаваемых социальных напряжений.

Маргинализировались целые поколения, десятки миллионов людей. С одной стороны, это не могло не привести к очень быстрому разрушению социокультурных стереотипов, выработывавшихся столетиями, к их забвению. Утрачивалась социальная память, а значит, и та почва, на которой естественным образом вырастает многообразие индивидуальных культурных образцов, передаваемых от родителей к детям, от старших к младшим. С другой же стороны, требование городской жизни — индивидуализация личности — плохо воспринималось поколениями, воспитанными на сельских принципах следования групповым стереотипам. Весь процесс социального следования оказался дезорганизованным, общество — дезориентированным.

По мере укоренения бывших крестьян, крестьянских детей и внуков в городах, их вращая в развивающуюся систему городских связей, маргинальность постепенно изживается, и можно надеяться на их все более полное «обуржуазение», превращение в те самые средние слои, о которых пеклась еще и Екатерина II.

Нельзя, однако, упускать из виду уже упоминавшуюся неполноценность системы внутренних связей советского городского общества, развитой в основном лишь постольку, поскольку развито разделение труда. Оно делает массовой фигуру специалиста, то есть человека, обладающего личным, неотторжимым достоянием — знанием, специальностью, квалификацией. В этом достоянии, особенно если речь идет о более редких, интеллектуальных и творческих профессиях, — одна из опор личной независимости, из которой вырастает гражданское самосознание средних классов.

Но еще П. Милюков, размышляя в начале века о будущем средних классов в России, писал, что «третье сословие нашего времени формируется из самых различных элементов русского прошлого, в нем намечаются те силы, которые создали культурную жизнь современной Европы: сила капитала и сила знания»⁷⁰. Одна из этих сил начисто отсутствовала в советское время. Не было «капитала», собственности, не было экономической независимости, столь характерной для классических средних слоев в обществах западного типа. Практически все советские специалисты — от юриспруден-

⁷⁰ Милюков П. Очерки по истории русской культуры. Часть I. Население, экономический, государственный и сословный строй. М., 1918, с. 251.

ции или джаза до торговли или пошива модной одежды — были государственными служащими. Об этом «парадоксе среднего класса» писал А. Амальрик в своей знаменитой книге «Просуществовал ли СССР до 1984 года?». «В нашей стране, поскольку мы все работаем на государство, у всех психология чиновников — у писателей, состоящих членами Союза писателей, ученых, работающих в государственном институте, рабочих или колхозников в такой же степени, как у чиновников КГБ или МВД. ... Так называемый средний класс не только не представляет исключения в этом отношении, но для него... эта психология в силу его социальной срединности как раз наиболее типична. А многие члены этого класса попросту являются функционерами партийного и государственного аппарата. Таким образом, ... хотя в нашей стране уже есть социальная среда, которой могли бы стать понятны принципы личной свободы, правопорядка и демократического управления, ... эта среда столь посредственна, ее мышление столь «очиновлено»..., что успехи демократического движения, опирающегося на этот социальный слой, представляются мне весьма проблематичными»⁷¹.

Эти слова Амальрика, написанные в 1969 г., оказались пророческими. Ничто не обозначилось ярче с началом горбачевских реформ, чем несостоятельность социальной среды, на которую, казалось бы, должны были опираться реформы, воскресающая (или нарождающаяся?) российская демократия, неготовность этой среды отстаивать «городские» либеральные ценности. Иначе и быть не могло. Каково общество, такковы и люди. А общество все еще оставалось промежуточным, полугородским-полудеревенским. Его все еще мучили фантомные боли, ежечасно напоминала о себе ампутированная деревня и «вновь, в который уже раз, мировой „город“ и его слабое проникновение в панслободскую реальность воспринимались как воплощение вселенского порока»⁷².

Тем не менее недооценивать совершившиеся перемены не следует. Городская революция в СССР не закончилась и пока действительно привела только к торжеству «панслободы». И все же вопрос В. Глазычева «вечна ли схема слободской организации субстрата культуры в пространстве России?»⁷³, пожалуй, запоздал. Советское общество, по сравнению с исходным состоянием на рубеже второго и третьего десятилетий XX века, продвинулось по пути урбанизации очень далеко. Конечно, вследствие внутренней противоречивости советской модели урбанизации, в СССР, а значит, и в «пространстве России» была создана, в лучшем случае, лишь, так сказать, внешняя оболочка нового городского общества, его материальная форма. По сути же в нем было еще очень много сельского, оно оставалось слабо структурированным, слабо дифференцированным, средние городские слои едва обозначились. Но именно потому социальная жизнь урбанизовавшегося общества вступала во все большее противоречие с ее материальными условиями, советское общество все ближе подходило — и подошло — к той черте, за которой сохранение прежнего промежуточного, «слободского» положения было невозможно. Это тем более ощущается в новой, постсовет-

⁷¹ Амальрик А. Просуществовал ли Советский Союз до 1984 года? // Погружение в трясину. М., 1991, с. 652–653.

⁷² Глазычев В. Цит. соч., с. 85.

⁷³ Там же, с. 88.

ской ситуации. Завершение городской революции, предполагающее изживание «слободы», формирование полноценных средних городских слоев, становится безусловным требованием времени. Без этих слоев, без «третьего сословия» не обойтись, не выйти из тупика, не вдохнуть новую жизнь в каменные и металлические громады городов и заводов, созданию которых была жертвенно отдана жизнь застигнутых революцией крестьянских поколений.